

РЕЦЕНЗІЇ

Виктор Окороков

ЛОГИКА, МАТЕМАТИКА ИЛИ МЕТАФИЗИКА: ТАК ДОСТАТОЧНО ЛИ ОСНОВАТЕЛЬНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ ЛЕЙБНИЦА?

(Секундант С. Г. Эпистемология Лейбница в ее нормативно-критических основаниях. – Одесса: Печатный дом, 2013. – 556 с.)

Лейбниц относится к числу тех великих философов, интерес к которым со временем не только не угасает, а, напротив, возрастает. По числу публикаций о нем, появившихся на Западе в последнее время, он превосходит, пожалуй, всех немецких философов классического периода, не исключая и Канта. Однако наибольший интерес по-прежнему привлекает его метафизика. Эпистемологии Лейбница посвящено гораздо меньше работ, большая часть которых – статьи. Тем не менее, на Западе накоплен большой материал по логике, методологии и гносеологии Лейбница, который требует радикального пересмотра традиционного взгляда на философию Лейбница и ее значение в истории европейской философии. Поэтому выход новой монографии, посвященной эпистемологии Лейбница, – событие насущное и давно ожидаемое. В представленной работе С.Г. Секунданта [Секундант, 2013] эпистемология Лейбница излагается в контексте двух проблем. Это, во-первых, проблема соотношения логики и метафизики у Лейбница, ставшая предметом оживленных дискуссий философов уже в начале XX века и не завершенная до сих пор. Вторая проблема, возникшая в конце 50-х гг. прошлого века, но только в последние годы начавшая привлекать к себе пристальное внимание западных ученых, – это проблема «догматизма» Лейбница. Спор в основном касался вопроса о том, в какой мере справедливы обвинения в догматизме, выдвинутые Кантом и его последователями в адрес Лейбница. Автор монографии открыто становится на сторону тех, кто пытался подчеркнуть приоритет эпистемологии по отношению к метафизике, и пытается подчеркнуть критический характер философии Лейбница. С этой целью он обращается к анализу тех нормативных принципов, которыми руководствовался Лейбниц в процессе разработки своей философской системы.

В первой главе («Архитектонические основания и контексты интерпретации эпистемологии Лейбница») раскрываются архитектурные основания эпистемологии Лейбница и определяются контексты ее интерпретации. К архитектурным основаниям автор относит те цели, которые ставил перед собой Лейбниц,

© В. Окороков, 2013

а также те нормативные принципы, с помощью которых он пытался их достичь. Выявление этих оснований осуществляется на основе анализа критических высказываний Лейбница в адрес альтернативных программ реформы философии. Эпистемологию Лейбница автор представляет как тот базис, на основе которого Лейбниц пытался преодолеть противоположность традиционных точек зрения, в частности противоположность между рационализмом Декарта и эмпиризмом Локка. Критику Локком теории врожденных идей Лейбниц считает некорректной в силу того, что она ведется с позиций эмпирического субъекта. Не отрицая правомерности эмпирического взгляда на познание, Лейбниц требует четко разграничивать контекст познания и контекст обоснования, а в рамках первого – позицию эмпирического и гносеологического субъектов. Первое разграничение касается фактически различия гносеологии и эпистемологии. Задача гносеологии – исследование того, как осуществляется или должен осуществляться процесс познания. Главный же вопрос эпистемологии – это вопрос об основаниях истины и достоверного знания истины. Таким образом, следует различать три точки зрения, на основе которых можно интерпретировать познание. Это, во-первых, точка зрения эмпирического субъекта. Познание трактуется здесь как «путь открытия», как «случайный» процесс приобретения индивидом знания. От этой позиции следует отличать точку зрения «гносеологического субъекта», согласно которой познание рассматривается не так, как оно фактически происходит, а так, как оно должно происходить, если мы хотим достичь достоверного знания истины. Здесь Лейбниц опирается на философскую традицию Нового времени. Исходным пунктом познания для Локка является обыденный опыт эмпирического субъекта, а для Декарта – непосредственный опыт гносеологического субъекта. Различие между ними состоит в характере и уровне рефлексии. Оба философа ставят перед собой критические задачи. Локк пытается определить содержание, границы и объем человеческого познания [Локк, 1985], а Декарт – границы того, что мы можем познать достоверно [Декарт]. Признавая целесообразность постановки такого рода задач, Лейбниц указывает на ограниченность обеих точек зрения. Ограниченность позиции Локка обусловлена границами обыденного сознания, с позиций которого осуществляется у него анализ познания. Для позиции Локка характерны предрассудки обыденного сознания. В этом отношении позиция Декарта представляется Лейбницу более перспективной, хотя и тоже ограниченной. Ограниченность Декарта, по его мнению, обусловлена границами непосредственного опыта субъекта. С точки зрения Лейбница, декартовское «*cogito*» – это опытная истина, которая не может служить основанием необходимых истин разума. Она, будучи опытной истиной, всегда будет оставаться субъективной истиной. Принимая декартовское требование опираться только на то, что дано в непосредственном опыте, Лейбниц требует в непосредственном опыте познающего субъекта искать то, что не зависит ни от опыта (безразлично, внешнего или внутреннего, обыденного или научного), ни от субъекта (безразлично, идет ли речь об эмпирическом, гносеологическом, коллективном субъекте или Боге), ни от познания вообще [Лейбниц, 1983]. Таковы три требования, которыми должен руководствоваться субъект, если он хочет отыскать объективные основания истины. Эту точку зрения Лейбниц называет точкой зрения «чистого разума», а С.Г. Секундант – точкой зрения «эпистемического субъекта», поскольку выявление объективных оснований

истины является главной задачей эпистемологии. Она также является точкой зрения рефлектирующего субъекта, хотя сам субъект должен элиминировать из поля зрения своей рефлексии не только себя как субъекта, но и сам процесс познания.

От этих трех точек зрения на познание Лейбниц отграничивает точку зрения естествоиспытателя. Поскольку естествоиспытатели не ставят перед собой глобальных гносеологических задач, а ограничиваются областью феноменов и ориентируются на прагматическую концепцию истины, то эту точку зрения С.Г. Секундант считает возможным назвать точкой зрения «феноменологического» или «прагматического» субъекта. Такой взгляд на познание Лейбниц считает вполне оправданным с точки зрения тех задач, которые ставит перед собой естествознание. Рассматривая философское и научное познание как коллективный процесс, Лейбниц считает главным субъектом познания не отдельного индивидуума, а научное сообщество («*respublica literaria*»), охватывающее представителей самых разных областей знания. Только рассматривая познание как коллективный и исторически развивающийся процесс, а также опираясь на точку зрения так широко понимаемого научного сообщества, мы можем, по его мнению, преодолеть тот кризис, который охватил все сферы нашего существования. Для Лейбница это не только кризис метафизики, философии или знания вообще, а экзистенциальный кризис. Представители «корпускулярной философии», по его мнению, поставили под сомнение не только традиционную метафизику, но и основания христианской религии и морали. Основную свою задачу Лейбниц видит в том, чтобы примирить «разум и благочестие». Для ее решения, считает он, мы должны представить все виды знания в виде гармоничной системы («*scientia generalis*»), в которой оказалось бы место и метафизике, и математике, и физике, и религии. Примирить науку и религию пытались также эклектики эпохи Возрождения и Нового времени, которые и выдвинули идею «*respublica literaria*». Подобно И. Юнгу и Р. Декарту, Лейбниц стремится это сделать на основе самых строгих требований разума. Особенность позиции Лейбница заключалась в том, что он попытался построить систему универсального знания на основе принципа достаточного основания. С точки зрения автора монографии, этот принцип не является ни теоретическим, ни тем более метафизическим принципом. Он трактует его как нормативный принцип, по сути, выполняющий важные критические и синтетические функции при построении универсальной системы знания. Принцип достаточного основания требует, с одной стороны, указывать основания для любого утверждения, а с другой – не отвергать ничего без достаточных на то оснований. Последнее требование предполагает учет всех мнений по тому или иному вопросу. Поэтому принцип достаточного основания – это нормативный принцип, в соответствии с которым осуществляется отбор суждений. Будучи по своей природе аналитическим принципом, он выступает у Лейбница в качестве принципа, на основе которого осуществляется также синтез. Поскольку результатом такого синтеза должна стать универсальная и гармоничная система знания, то в качестве регулятивного принципа здесь выступает также принцип гармонии. Учитывая ключевую роль этих двух принципов в построении универсальной системы знания, автор работы характеризует их как архитектурные принципы. Он подчеркивает, что Лейбниц не сторонник гармонии любой ценой, подобно Я.А. Коменскому, Э. Вайгелю и эклектикам. Для него, как и для И. Юнга, «*scientia generalis*» – это не просто

универсальная, а наиболее обоснованная и достоверная система знаний. Чтобы ответить на вопрос, возможна ли такая система, как она возможна и в каких границах, Лейбниц требует обратиться к анализу природы наших знаний, их оснований и лежащих в их основе познавательных способностей.

Ответ Лейбница на этот вопрос рассматривается во второй главе книги («Понятие, виды, источники и границы достоверного познания»). Хотя познание представляет собой коллективный процесс, мы, согласно Лейбницу, обязаны также исследовать познавательные возможности отдельного познающего субъекта, ибо только такое исследование, по его мнению, может показать, возможно ли достоверное познание истины вообще. При исследовании таких понятий, как «знание», «познание», «достоверность», «идея», «феномен» и других, Лейбниц использует в качестве методологического принципа принцип гармонии, который сводится здесь к нормативному требованию охватывать все виды понятия в их единстве. Лейбниц, в частности, требует различать понятия, взятые в широком смысле, и понятия, взятые в строгом смысле. Для эпистемологии Лейбница принципиально важными являются понятия, взятые в строгом смысле слова. Они у него выполняют роль своего рода парадигмы, идеала, на основании которого определяются все другие виды данного понятия. Все другие понятия рассматриваются как модификации понятия в строгом смысле и оцениваются по степени своего приближения к идеалу. Так, познание в широком смысле у него включает в себя мнения, гипотезы и выражаться не только в суждениях и умозаключениях, но и в понятиях, представлениях. Оно является не только понятием о том, что действительно, но и о том, что возможно.

Принципиально новым у Лейбница является то, что он главным объектом математики и математического естествознания делает возможное. Познание в строгом смысле – это достоверное познание. Оно представляет собой постижение недостоверного посредством достоверного, неотчетливого посредством отчетливого, неопределенного посредством определенного. Аналогичным образом достоверность в широком смысле этого слова у него предельно сближается с вероятностью, а достоверность в строгом смысле – с необходимостью и очевидностью, с невозможностью нечего мыслить или представлять себе иначе. Стремясь избежать субъективизма, Лейбниц предельно сближает понятия достоверности и истины, определяя достоверность как «детерминированность (определенность) истины». Наиболее достоверными он считает непосредственные, или очевидные, знания. Понятия «непосредственного» и «очевидного» Лейбниц также пытается освободить от субъективных ассоциаций. «Непосредственным» в строгом смысле слова он называет только беспредпосылочное знание. В нашем непосредственном опыте, согласно Лейбницу, мы обнаруживаем два рода объектов, которые могут быть предметом рефлексии, – идеи и феномены. В противоположность Декарту и Локку, которые все объекты непосредственного опыта называли идеями, Лейбниц требует отличать идеи от феноменов. Оба объекта являются продуктом рефлексии, которую он трактует как направленность нашего мышления на определенный предмет. Вместо схоластического понятия «интенциональность» Лейбниц использует для характеристики рефлексии более нейтральное понятие «внимательность». Рефлексия у него обнаруживает (актуализирует) то, что потенциально уже содержалось в нашем познании. В случае с феноменами наше мышление направлено на многообразие данных нам представлений, а в случае с идеями – на наше «я»,

воспринимающее это многообразие. В первом случае объектом разума становятся чувственные представления, а во втором – сам разум. Лейбниц, отрицавший теорию физического влияния, т.е. возможность воздействия материальных объектов на нематериальную душу, рассматривает чувственные представления как результат действия бесконечно большого числа бессознательных представлений. По мнению автора монографии, это ставит под сомнение правильность взгляда на Лейбница как панлогиста. Среди феноменов наиболее достоверными являются те, связь которых с нашим «я» ничем не опосредована. Они очевидны в силу непосредственности связи субъекта и объекта. К ним Лейбниц относит непосредственные восприятия действий нашего сознания, которые включают и действия ума. Их он называет абсолютными первыми истинами опыта, так как все другие виды опытного знания зависят от них и с них начинается всякое познание. Они являются необходимыми основаниями всех фактических истин. Однако они, будучи субъективными, не являются, согласно Лейбницу достаточными основаниями даже для истин факта, претендующих в некоторой мере на общезначимость. Достоверность истин факта является только «физической, или моральной», так как противоположные им истины также возможны. А это означает, что предполагаются другого рода истины, которые служили бы для определения степени их достоверности. В качестве таковых у Лейбница выступают истины разума. Истины разума, согласно Лейбницу, обладают высшей степенью достоверности – метафизической, или геометрической, достоверностью. Они являются необходимыми истинами, поскольку противоположное им невозможно. Все они либо сами являются тавтологиями, либо сводимы к простейшим тавтологиям, имеющим форму $A=A$. Такого рода тавтологии являются интуитивными истинами. Они очевидны в силу непосредственности связи идей. Эта связь считается непосредственной, если она не содержит неявных предпосылок. Таким образом, очевидность у Лейбница является высшим видом достоверности. Мы видим, что роль интуиции у него сильно суживается, как, впрочем, и роль субъекта в познании. Интуиция вступает в свои права только там, где кончаются возможности анализа и наш разум признает связь идей данной непосредственно. Чтобы подчеркнуть независимость таких истин от субъекта, Лейбниц называет их формальными. От этих истин зависит достоверность как рационального теоретического познания, так и эмпирического познания (в силу того, что достоверность истин факта зависит от достоверности истин разума). Так как достоверность интуитивных истин будет максимальной только в том случае, если идеи, связь которых воспринимает наш ум, простые, то Лейбниц обращается к исследованию природы идей, чтобы выяснить, возможны ли такие простые идеи.

В третьей главе («Основания достоверности рационального теоретического познания») автор монографии рассматривает вопрос о том, как Лейбниц доказывает возможность необходимых истин. Лейбниц при этом исходит из предпосылки, что необходимые истины существуют не только в математике, но и в метафизике. Существование таких истин для него - это не истина факта, а истина разума. Эти истины являются необходимыми истинами в силу того, что противоположное им невозможно. Ни наш, ни какой-либо иной разум не в состоянии помыслить нечто противоположное им. Лейбниц исходит из того, что признание опытного происхождения идей делает невозможным существование необходимых истин разума, ибо опыт не может быть основанием чего-то всеобщего и

необходимого. Критику Локком теории врожденных идей он считает некорректной. По мнению Лейбница, его критика содержит в себе метафизические предрассудки, характерные для обыденного сознания. К таким предрассудкам Лейбниц относит: 1) веру в то, что чувственные восприятия являются результатом воздействия на нашу душу материальных тел; 2) взгляд, будто наше сознание может быть абсолютно пассивным и представляет собой своего рода чистую доску; 3) вера в то, что чувственные восприятия несут в себе свою достоверность и 4) что существуют простые чувственные данные, к которым можно свести весь чувственный опыт. Эти и многие другие метафизические предпосылки, которые молчаливо использует в своей критике Локк, свидетельствуют, по мнению Лейбница, о том, что эта критика ведется не на основе опыта, а с позиции определенной метафизической теории опыта, которая во многом противоречит самому опыту. Так, представление о сознании как абсолютно пассивной способности и «чистой доске» напоминает Лейбницу «чистые способности» и «первую материю» схоластиков, существование которых не подтверждается никаким опытом. Для Лейбница сознание всегда активно. Помимо «потенции», оно содержит в себе всегда «тенденцию», готовность перерасти в акт. Способности, которые не обнаруживают себя ни в каких действиях, Лейбниц считает «голыми фикциями». Активными у него являются и наши чувственные восприятия. Они являются результатом действия бесконечно большого числа бессознательных малых восприятий. Без рефлексии нашего разума они не могут даже стать объектом нашего опыта, и потому для нас в чистом виде они не существуют. Без мышления они не могут даже стать содержанием наших мыслей. С другой стороны, Лейбниц признает, что без чувственных представлений невозможна была бы рефлексия и, следовательно, познание.

В споре Локка и Декарта он занимает более взвешенную позицию и считает, что хотя все наше познание начинается с чувственных восприятий, к ним в целом не сводится. В формировании опыта, помимо чувств, участвует также разум, причем его роль является определяющей. Лейбниц отвергает предпосылку Локка, будто чувства несут сами в себе свою достоверность и являются объективными, если к ним ничего не примешал разум. Для Лейбница чувственные представления, взятые сами по себе, есть лишь субъективные видимости, которые становятся чем-то достоверным и объективным только благодаря связям. Эти связи мы можем познать только с помощью разума. Искать в чувственных восприятиях что-то простое, по его мнению, также бессмысленно, поскольку чувственный опыт делим до бесконечности. Эти два аргумента Лейбниц приводит в доказательство того, что чувственные восприятия сами по себе не несут в себе достоверности. Ошибку Локка он также видит в том, что тот смешивает причину (основание) и повод. Чувственные восприятия дают, согласно Лейбницу, только повод к образованию общих понятий, но не являются их причиной. Основания общих понятий, как и последние основания достоверности чувственных восприятий, по его мнению, следует искать в разуме.

Такой же критический подход относится к идеям. Лейбниц использует понятие идеи в широком и узком смысле. Под идеей в широком смысле он, подобно Декарту и Локку, понимает объекты внутреннего опыта. Но Лейбниц ясно осознает, что так широко понимаемая идея не может быть объектом достоверного познания в силу своей неопределенности и многозначности. Идею в строгом

смысле этого слова Лейбниц требует отграничить от чувственного образа и мысли, которые также могут быть объектом внутреннего опыта. С его точки зрения, чувственный образ не является непосредственным объектом. Мысль же изменяется, а идея как объект познания неизменна и не зависит от мышления. Она существует даже тогда, когда мы ее не осознаем. Вопреки представлениям Н. Мальбранша Лейбниц считает, что идея в строгом смысле этого слова не может быть непосредственным внешним объектом сознания. Эту теорию Лейбниц отвергал как метафизическую, ведущую к неприемлемым следствиям. Он требует ограничить исследование природы идей лишь нашим сознанием. Идеи, согласно Лейбницу, не могут быть ни абстракциями, ни понятиями. Последние являются продуктами деятельности нашего разума, т.е. чем-то производным, а потому не могут быть непосредственным внутренним объектом познания. Более того, для своего образования они нуждаются уже в идеях. По этой же причине идеи не могут быть получены из чувственных восприятий посредством абстракции или обобщения. Подобно Платону, он приводит нас к выводу, что идея в строгом смысле этого слова, или чистая идея, есть нечто врожденное. Однако Лейбниц отрицает актуальную врожденность идей. Он отрицает и теорию предшествования идей в нашем сознании, а вслед за ней и теорию припоминания Платона. Опираясь на свою концепцию сознания, Лейбниц трактует идеи как диспозиции. Они существуют в нашем сознании лишь в виде возможностей, предрасположенностей и становятся чем-то актуальным только в результате рефлексии. И поскольку рефлексия не может возникнуть без чувственных представлений, то и идеи не могут стать актуальными для нашего сознания без чувственного опыта. Но, несмотря на это, идеи не зависят от опыта. Напротив, только благодаря идеям становится возможным достоверный опыт. От теории идей Платона его учение об идеях отличается также тем, что врожденными Лейбниц признает не все идеи, а только так называемые первичные идеи, число которых не очень велико. Будучи возможностями и предрасположенностями нашего сознания, они выражают только возможное, а именно некоторые простейшие отношения. Они не отражают ничего действительного и именно поэтому не зависят от действительности. Напротив, такая трактовка идей позволяет не только предвидеть будущий опыт, но и преобразовывать его путем реализации априори полученных идей и суждений. Теория идей Лейбница, как и его теория науки, ориентируются на математическое естествознание, которое является ярким примером способности нашего сознания преобразовывать практику, делать ее более рациональной. В этом Лейбниц видит преимущество рационализма над эмпиризмом.

Лейбниц решительно отвергает корреспондентскую теорию истины в том виде, в каком ее защищает Локк. По его мнению, концепция Локка, как и концепция наивного реализма, исходит из догматической предпосылки существования за пределами нашего сознания материальных предметов, воздействующих на наше сознание и являющихся причинами наших представлений. Заслугу Декарта Лейбниц видит в том, что тот впервые четко установил: наши субъективные образы не соответствуют тем предметам, которые якобы являются их прообразами. На этом основании Лейбниц считает невозможным установить соответствие наших субъективных образов своим объективным прообразами. Если ошибка догматиков состояла в том, что они допускали возможность такого рода соответствия, то ошибку скептиков он видит в том, что они требовали такого соответствия. С точки

зрения Лейбница, мы не можем ни предполагать, ни требовать соответствия наших субъективных образов каким-то своим прообразами за пределами нашего сознания. Лейбниц отвергает на этом основании теорию первичных качеств, с помощью которой Декарт и Локк пытались доказать возможность объективного познания материальных вещей. Однако Лейбниц не становится на позиции релятивизма. Хотя он, как и Т.Гоббс, считает переход от субъективных феноменов к их скрытым причинам нелегитимным, он все же отвергает конвенциональную концепцию истины. Языковые выражения, по его мнению, не имеют прямого отношения к истине, так как они носят условный характер и относятся к области феноменов, истина же относится к их сущности. Лейбниц не становится и на позицию субъективизма. Он ясно осознает: люди в повседневной деятельности и ученые в процессе научной практики рассматривают свои субъективные представления как объективные свойства самой действительности. Свою основную задачу Лейбниц видит в том, чтобы выяснить, на каком основании ученые рассматривают свои представления как объективные представления о свойствах самой действительности. Основания для такого переноса (а Лейбниц не сомневается, что речь идет здесь именно о субъективном переносе) он требует искать в отношениях между идеями. Только благодаря отношениям, существующим между идеями, наши субъективные феномены становятся для нас чем-то объективным. Для этого не нужно выходить за границы нашего сознания, что Лейбниц, как и картезианцы, считал невозможным. Чем шире система отношений, которая связывает феномены, и чем она гармоничней, тем объективнее для нас становятся наши феномены.

Лейбниц - сторонник когерентной концепции истины, однако он ее считает недостаточной. Система отношений не просто должна быть внутри себя непротиворечивой и гармоничной. Она должна быть обоснованной также с точки зрения практики. По этой причине Лейбниц не отвергает прагматическую концепцию истины вообще и практическую эффективность как критерий истины в частности. Благодаря экспериментальной проверке научные гипотезы могут получить свое подтверждение. Однако критерий практического успеха, считает он, может гарантировать нам только так называемую «моральную достоверность», которая не исключает возможности противоположного результата. Критерий практического успеха оказывается ограниченным рамками опыта и моральной достоверностью. Естественный эксперимент не задается вопросом о том, на каком основании практический успех может рассматриваться как критерий истинности теории. Эпистемология же обязана дать ответ на этот вопрос. Прагматическая концепция истины оказывается достаточной лишь с точки зрения опыта, но не с точки зрения разума. Как научный эксперимент, так и научные факты, согласно Лейбницу, имеют свои рациональные основания, которые нуждаются в своем обосновании, и эти основания следует искать только в самом разуме.

Лейбниц обращается к аналитической концепции истины, поскольку предлагаемый ею критерий истины не зависит ни от предметов внешнего мира, ни от познающего субъекта, ни от научного сообщества в целом. Согласно этому критерию, суждение можно считать истинным, если путем анализа входящих в него понятий можно установить, что его предикат содержится в субъекте. Такого рода критерий истины, по его мнению, исключает какие-либо метафизические предпосылки. Преимущество интенциональной логики перед экстенциональной (объемной) логикой схоластиков Лейбниц видит в том, что последняя предполагает

существование элементов множества, реальность которых следует еще доказать. Истины считаются необходимыми, если путем анализа их можно свести к простейшим тавтологиям, имеющим форму $A=A$. Такого рода тавтологии, согласно Лейбницу, являются интуитивными истинами разума и обладают наивысшей степенью достоверности. Аналитические суждения ничего не говорят о действительности. Их предметом является только сфера возможного. Тем не менее, согласно Лейбницу, в познании действительности они выполняют очень важную функцию: они выступают в качестве формальных правил, на основе которых должно осуществляться всякое познание, претендующие на истинность. Все другие истины должны согласоваться с этими истинами. Когерентная концепция истины, таким образом, у Лейбница не является основополагающей. Недостаточно, чтобы суждения согласовались между собой, необходимо также, чтобы они не противоречили истинам разума, а система истин в целом приводила к результатам, подтверждаемым практикой. Только в этом случае мы можем говорить о соответствии идеальных отношений реальным. Такое соответствие следует трактовать не в духе теории отражения и не в духе логического параллелизма, а в духе репрезентационизма. Согласно Лейбницу, между выражающим и выражаемым должна существовать естественная связь, хотя она может быть и довольно условной. Признание естественного характера такой связи не позволяет нам, по мнению Лейбница, стать на позиции агностицизма и рассматривать все наше познание как чисто символическое. Даже символическое познание, которое Лейбниц считает наиболее темным, через систему отношений знаков языка выражает некоторые отношения, существующие в реальной действительности. Для того чтобы убедиться в этом, нет необходимости, по его мнению, выходить за границы опыта и непосредственно созерцать действительные связи. Достаточно, чтобы эти отношения не противоречили истинам разума и результатам практической проверки. Лейбниц, таким образом, не отвергает корреспондентскую теорию истины. Он отвергает только традиционную трактовку понятия «соответствие действительности». Тем самым он фактически заменяет корреспондентскую концепцию истины системой взаимодополняющих друг друга концепций истины: когерентной, интуитивной, аналитической и прагматической. В качестве ядра и основы этой системы у него выступают тождественные высказывания, рассматриваемые им как самодостовверные истины разума, независимые ни от субъекта, ни от предметов действительности.

В четвертой главе («Основания достоверности и реальности естественнонаучного познания») дается анализ теории естественнонаучного познания и научного опыта Лейбница. Обращаясь к анализу оснований истин факта, Лейбниц требует различать непосредственный и опосредованный опыт. Опосредованный опыт он, в свою очередь, делит на обыденный и научный. Главный недостаток традиционного эмпиризма Лейбниц видит в том, что он фактически ограничивался исследованием обыденного опыта, не обращая внимание на специфику научного опыта. Согласно Лейбницу, опытное познание отличается от теоретического тем, что его объектом являются в конечном счете феномены. Он требует различать первичные феномены непосредственного опыта, которые субъективны и глубоко индивидуальны, от феноменов обыденного и научного опыта. Когда Лейбниц говорит о феноменах непосредственного опыта, речь у него идет не об ощущениях и не о фактических истинах. Он исходит из того, что ощущения сами по себе не могут

быть предметом непосредственного опыта и тем более не могут нас удостоверить в существовании воспринимаемых вещей, если их не сопровождает разум. Поэтому к феноменам непосредственного опыта Лейбниц относит лишь многообразие мыслей, наличие которых в нашем сознании фиксирует первичный рефлексивный акт ума. В противоположность скептикам Лейбниц считает, что сознание, или рефлексия, которая сопровождает внутреннее действие, не может естественным образом обмануть. Непосредственный опыт у него является не только предпосылкой всех иных видов опыта, но и необходимым (хотя и недостаточным) основанием их достоверности. Непосредственный опыт говорит нам только о существовании в нашем сознании феноменов, но ничего не говорит об их объектах за пределами сознания. Реальность феноменов чувственного опыта мы устанавливаем, согласно Лейбницу, на основании их связей. Если они согласуются между собой, то мы их считаем достоверными. Но эта достоверность всегда будет моральной, так как человек, по его мнению, никогда не будет в состоянии познать априорные причины явлений, что необходимо для того, чтобы достоверность стала аподиктической. Однако Лейбниц не становится на позиции скептицизма. Скептицизм как гносеологическая позиция, согласно Лейбницу, базируется, с одной стороны, на молчаливом признании правомерности требовать соответствия наших мыслей действительности, а с другой – на доказательстве невозможности такого соответствия. Выдвигая подобное требования, они, подобно догmatикам, не учитывают наших познавательных возможностей. Лейбниц предлагает отказаться не от поиска причин явлений, а от желания выйти за границы нашего сознания. Для этого мы должны изменить направление нашего поиска причин и искать их в нашем сознании. Лейбниц подчеркивает, что естествоиспытателю нет необходимости выходить за границы феноменов, поскольку научные истины, в конечном счете, получают свое подтверждение только в феноменах. Научные же феномены обладают более высокой степенью достоверности, чем феномены обыденного опыта; поскольку они включены в систему связей, которая является более дифференцированной, точной, обоснованной и широкой, а также обладает более высокой степенью единства. Поэтому причину и сущность вещей, согласно Лейбницу, следует искать в тех отношениях, которые существуют между феноменами в нашем сознании.

Лейбниц требует пересмотреть традиционный взгляд на субъекта познания.

Принципиальную ограниченность традиционного гносеологического подхода Лейбниц видит в том, что субъект познания в нем выступал как пассивный созерцатель. В естествознании же, подчеркивает он, субъект выступает как активный деятель, который вмешивается в дела природы. Ярким примером такого взаимодействия он считает эксперимент. В научном опыте субъект взаимодействует не только с природой, но и с другими субъектами. Именно в процессе такого рода взаимодействия с природой и с другими субъектами наши субъективные феномены становятся для нас чем-то объективным. В новой концепции опыта Лейбница меняется представление не только о субъекте, но и о феноменах. Он рассматривает феномены не как впечатления пассивно созерцающего субъекта, а как все то, что может с нами произойти. Хотя другие субъекты становятся частью нашего субъективного опыта уже не как субъекты, а как феномены, благодаря взаимодействию с ними их внутренний опыт становится частью нашего опыта. Однако наш опыт становится интересубъективным, согласно

Лейбницу, не по этой причине, а благодаря тому, что порядок, которому следуют феномены, выражает природу, общую всем субъектам познания. Объективным при этом Лейбниц считает не то, что воспринимается одинаково всеми субъектами, а то, что не зависит от субъектов. Восприятия или выражения всех субъектов взаимно согласуются, по его мнению, только в том случае, если каждый субъект следует известным основаниям или законам. И так как феномены следуют порядку, который, с одной стороны, выражает нашу природу, а с другой – позволяет нам предсказывать будущие события, впоследствии подтверждаемые опытом, то, как считает Лейбниц, уже и этого было бы достаточно для того, чтобы сказать, что эти явления истинны, не беспокоясь о том, существуют ли они вне нас и воспринимают ли их также другие люди. Переход от мыслей к объектам совершается, согласно Лейбницу, в сознании познающего субъекта только тогда, когда наши мысли хорошо согласуются с другими мыслями, причем как нашими, так и чужими, как настоящими, так и прошлыми. Согласование феноменов, по его мнению, возможно только в том случае, если феномены имеют разумную составляющую, поскольку наши чувственные переживания субъективны и неповторимы. Движение, тело, причина, пространство, время и другие понятия, используемые физикой, Лейбниц называет одновременно феноменами и абстракциями, поскольку они, с одной стороны, являются продуктами абстрагирующей деятельности нашего разума, а с другой – эти абстракции выражают отношения, имеющие место только между феноменами. Естествознание, согласно Лейбницу, имеет дело не с действительностью как таковой, а с такого рода абстракциями-феноменами. Благодаря такой рациональной составляющей мы можем связать феномены и представить их в виде непротиворечивой системы. Тот порядок, который присущ миру феноменов, – это разумный порядок, выражающий общую всем субъектам разумную природу. Он подчинен общим законам разума и не зависит от физиологических, антропологических или психологических особенностей познающих субъектов. Однако законы феноменов не тождественны законам разума. Они являются именно законами феноменов и не зависят от субъектов познания. Законы физики, получившие экспериментальное подтверждение, Лейбниц называет «истинными феноменами» (*phaenomena vera*). Ученые рассматривают свои законы как законы реальной действительности, поскольку чувственные феномены «слушаются» их. Такого «послушания», по его мнению, им удается достигнуть во многом благодаря экспериментам. То, что ученые считают действительностью, с точки зрения Лейбница, является только хорошо обоснованными феноменами.

К феноменам Лейбниц относит также чувственно воспринимаемые вещи, данные нам в нашем обыденном опыте. Он употребляет понятие феномена в столь широком смысле, чтобы исключить из теории познания все метафизические представления. В гносеологии понятие феномена он противопоставляет понятию идеи, а в метафизике – понятию субстанции. Субстанциями в строгом смысле этого слова Лейбниц называет только то, что едино по своей природе. Таким единством могут обладать только духовные сущности. Вещи же представляют собой агрегаты и только кажутся нам чем-то единым. Чувственно воспринимаемые вещи Лейбниц относит к «хорошо обоснованным», которые он, чтобы отличить от голых продуктов воображения, считает возможным называть «субстанциальными сущностями». В строгом же смысле слова субстанциями могут быть

только духовные субъекты, так как только они могут гарантировать подлинное единство. Для Лейбница принципиально важно признание субстанциального характера субъекта познания. Только так понимаемый субъект способен гарантировать подлинное, а не чисто формальное единство опыта.

Обоснование того, что субстанцией может быть только духовный субъект, и анализ соотношения понятий субстанция, атрибут и акциденция даны в шестой главе («Субстанция, акциденция и феномен. Границы метафизического познания»). Касаясь вопроса об онтологическом статусе феномена, автор монографии приходит к выводу, что феномены, подобно идеям, имеют статус отношений, но отношений особого рода. Хотя в «Рассуждении о метафизике» Лейбниц относит их еще к акциденциям, чтобы подчеркнуть их субъективный характер, позже он отходит от этого взгляда. Несмотря на то, что феномены принадлежат только субъекту и вне его не существуют, их существование зависит не только от познающего субъекта, но и чего-то существующего вне его. От идей феномены отличаются тем, что идеи выражают отношения, которые относятся к области возможного и не зависят от существующего, феномены же выражают отношения, которые относятся к области существующего и, следовательно, предполагают уже существование субстанций и их свойств. С метафизической точки зрения, изложенной в монадологии, в действительности существуют только монады и их свойства.

Тому, как Лейбниц обосновывает правомочность и необходимость метафизической точки зрения, посвящена пятая глава («Метафизические основания естественнонаучного знания и идея реальной метафизики»). Обосновывая необходимость метафизики, Лейбниц руководствуется идеей систематического исследования феноменов. Он отвергает традиционный взгляд на метафизику как науку о бытии вообще, объясняющую его принципы и вытекающие из них свойства. Оторванная от научной практики метафизика, по его мнению, пуста. Сводить науку к толкованию терминов, как это делают схоластики, – значит злоупотреблять названием науки. Традиционному взгляду на метафизику и ее предмет Лейбниц противопоставляет идею «реальной метафизики», которая содержала бы истины о субстанциях, основанные на разуме и подтвержденные опытом. Попытка картезианцев объяснить явления посредством абстрактных законов движения, почерпнутых в чистой геометрии, по его мнению, противоречит «порядку вещей и несовместимо с принципами истинной метафизики». Основная идея Лейбница состояла в том, чтобы соединить теорию с практикой таким образом, чтобы практика, в том числе и научная, получила свое рациональное обоснование в теории, а теория нашла в практике обоснование своей реальности и стала полезной для нее.

Необходимость обращения к метафизике Лейбниц видит в том, что современная физика использует предпосылки, которые не являются предметом ее рефлексии, но имеют принципиально важное значения при интерпретации ее результатов. Ограничиваться же только математическими предпосылками, как этого требуют механицисты, мы не можем, по его мнению, потому, что объект математики ограничен областью воображаемого и не охватывает область мыслимого. Тем не менее реальная метафизика, по его мнению, не может игнорировать математику. Одну из главных ошибок эмпириков Лейбниц видит в том, что их философия игнорировала математику. Новая метафизика должна согласоваться с математикой и уметь объяснить возможность ее применения к явлениям природы. Сама матема-

тика этого сделать не сможет. Негативное отношение ученых к философии, по мнению Лейбница, препятствует научному прогрессу. Ограничиваясь областью воображаемого и пренебрегая предпосылками, которые доступны только разуму, математическое естествознание, согласно Лейбницу, пришло к ложным метафизическим гипотезам о природе вещей, которые, по его мнению, препятствуют научному прогрессу.

Разрабатывая концепцию «реальной метафизики», Лейбниц понимает реальное довольно широко. Реальное для него – это все, что противоположно фиктивному. Так широко трактуемое «реальное» включает в себя не только то, что подтверждается опытом, но и возможное. Возможным он считает только то, что подтверждается основными нормативными принципами разума – принципами противоречия и достаточного основания. С их помощью Лейбниц пытается эксплицировать другие рациональные принципы, которые делают возможным научный опыт и которым мы должны, по его мнению, следовать при разработке как научных, так и метафизических гипотез. Эти принципы делают возможным научный опыт и научное познание вообще. Рациональные принципы физики, по мнению Лейбница, должны вытекать из метафизических принципов, которые лежат в основании всякого понимания действительности. Однако метафизические принципы не выступают в качестве их теоретической основы. У Лейбница принципы метафизики выступают как нормативные принципы, как требования, на основе которых мы должны вводить общие рациональные принципы физики, но только в качестве дополнения к законам физики. В сущности, здесь речь идет об экспликации ранее молчаливо подразумеваемых учеными принципов. К метафизическим, или, как часто Лейбниц их называет, архитектурным принципам, он относит принцип тождества неразличимых, принцип непрерывности, принципы единообразия, экономии, или простоты, а также принципы совершенства и гармонии. Согласно Лейбницу, метафизические понятия получают свою реальность благодаря математике и физике, а физические – благодаря математике и метафизике, которые, формулируя свои принципы, придают реальность (единство) феноменам как объектам физики. Он считает, что без этих общих понятий и принципов современная физика остается несовершенной.

Метафизические принципы представляют собой гармоничную систему, в которой каждый принцип предполагает другие. В этой системе нормативных принципов особое положение занимает принцип гармонии. Он представляет собой своего рода метапринцип, который можно выразить в виде двух требований: число высших принципов должно быть как можно меньшим, а эти принципы должны решать как можно больше проблем и предсказывать как можно больше явлений. То, что с ними согласуется, является «хорошо обоснованной гипотезой». К хорошо обоснованным гипотезам Лейбниц, в частности, относит и учение о монаде – центральном понятии своей метафизики. Это понятие, по его мнению, согласуется не только со всеми феноменами, законам и принципами естествознания, но и отвечает всем априорным принципам метафизики. Такое понятие субстанции, позволяющее единым взглядом охватить все многообразие фактов и законов, вместе с присущим монаде принципом гармонии дает нам единую и непротиворечивую картину мира, отвечающую всем требованиям разума. Единая точка зрения на мир позволяет нам, в свою очередь, не только предвидеть новые факты действительности, но и конструировать машины, делая наш опыт и действительность

более разумной. В отличие от принципов логики, которые являются аналитическими, архитектурные принципы являются априорными синтетическими принципами. Но они являются не теоретическими принципами, на основании которых можно судить о действительности, а нормативными принципами, в соответствии с которыми создаются гипотезы о действительности. Знание априорных теоретических принципов, на основе которых мы могли бы объяснить все явления, согласно Лейбницу, доступно только Богу и находится за пределами познавательных возможностей человека. Однако с прогрессом науки мы будем все более приближаться к нему.

Метафизика, согласно его концепции, выполняет не только синтетическую и эвристическую, но и критическую функцию. Метафизические принципы определяют границы всего, что можно мыслить как действительное. Все, что с ними не согласуется, – «невозможные фикции». Попытку Локка установить границы разуму на основе опыта и данных человеку от природы способностей [Локк, 1985] Лейбниц считает несостоятельной, ибо она не учитывает, что границы опыта и наши способности с прогрессом науки и техники расширяются [Лейбниц, 1983]. Только разум, по его мнению, может установить себе границы. Принцип непротиворечия определяет границы возможного вообще (возможных миров), а принцип достаточного основания и архитектурные принципы метафизики определяют границы того, что возможно в действительности, и тем самым они дают нам основания для того, чтобы рассматривать наши субъективные представления как относящиеся к действительности.

В заключительной части книги дается сравнительный анализ критических программ Лейбница и Канта. По мнению автора, Лейбниц исходит из более глубокого понимания природы и границ кризиса. У него кризис охватывает не только метафизику, но и физику, и логику, и другие сферы, причем не только области нашего знания, но и существования вообще. Критика же Канта основывается на предпосылке, что традиционная логика является совершенной и, следовательно, завершенной наукой. На предпосылке, будто в логике представлены все возможные виды суждений, основываются и претензии Канта на выявление всех априорных рассудочных принципов. Лейбниц же пытается разработать математическую логику, где число необходимых суждений бесконечно велико. А это значит, что система принципов чистого разума не может быть ограниченной. Критика Канта исходит и из других предпосылок, которые Лейбниц подвергает резкой критике. Так, Кант фактически признает гипотезу физического влияния и существование материальных вещей вне нашего сознания. Лейбниц же обе эти гипотезы отвергает. Критика Канта базируется на иной концепции знания, чем концепция Лейбница. Согласно Канту, знание возможно только о действительности, Лейбниц же считает, что предметом знания может быть и возможное. Без этого допущения нельзя, по его мнению, объяснить необходимый характер законов логики и принципов математики. Трансцендентальный анализ Канта направлен исключительно на исследование априорных форм наших познавательных способностей, лежащих в основании априорных и, следовательно, необходимых принципов познания действительности. Эпистемология Лейбница направлена и на вероятное знание. Отвергая возможность метафизики как науки, Кант исходит из более узкого понятия науки, чем Лейбниц, относя к научному познанию только такое, которое базируется на априор-

ных теоретических принципах. Столь узкий взгляд Канта на научное познание и его принципы объясняет также узость тех задач, которые Кант ставит перед своей критикой. Решение всех гносеологических проблем в «Критике чистого разума» фактически ставится в прямую зависимость от решения одной проблемы: «Как возможны априорные синтетические суждения о действительности?». Те обвинения, которые Кант выдвигает против Лейбница в главе об амфиболиях рефлексивных понятий, основываются на разных понятиях феномена и субстанции, а потому, как считает автор монографии, являются некорректными.

Таким образом, С.Г. Секундант проводит реконструкцию учения Лейбница на основе четкого разграничения архитектурного, метафизического, гносеологического и эпистемологического подходов к анализу идей, истин, фактов и действительности. Автор монографии останавливается на всех спорных моментах учения Лейбница и делает их глубинный и доскональный анализ с целью обоснования важности его идей для современного постметафизического (Ю. Хабермас [Habermas, 1988]), постмодерного (Ж. Делез [Deleuze, 1988]) или неософистического (А. Бадью [Badiou, 2010]) мышления. Ибо учение Лейбница дает достаточно важных оснований для поиска выхода из того кризиса, в котором находится современная философия и культура. Ведь если просмотреть текст Лейбница с точки зрения основополагающих моментов современной культуры, то окажется, что важнейшие основания трансцендентальной теории Канта, топологической теории Пуанкаре, неклассических логик и лингвистики, не говоря уже о математике, можно найти именно в учении Лейбница.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Декарт Р.* Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 250–296.
- Лейбниц Г. В.* Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 2. – С. 47–545.
- Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. 1–2.
- Секундант С.Г.* Эпистемология Лейбница в ее нормативно-критических основаниях. – Одесса: Печатный дом, 2013. – 556 с.
- Badiou A., Tarby F.* La Philosophie et l'Événement: entretiens: suivis d'une courte introduction à la philosophie d'Alain Badiou. – Meaux: Germina, 2010. – 181 p.
- Deleuze G.* Le pli : Leibniz et le Baroque. – Paris: Editions de Minuit, 1988. – 191 p.
- Habermas J.* Nachmetaphysisches Denken. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1988. – 285 S.

Стаття одержана редакцією 11.09.2013

Viktor Okorokov

Logic, Mathematics or Metaphysics: and Yet, is the Leibniz' Conception Enough Well-Grounded?

Whether Leibniz was a metaphysicist or a dogmatic philosopher? We argue that S. Secundant in his book 1) convincingly proved that the epistemology of Leibniz played a leading role in relation to his metaphysics; 2) described in detail its critical foundation. The significant

scientific achievement of S. Secunant is the analysis of the differences in the grounds of Leibniz' epistemology and Kant's critique, as well as evidence of a more profound nature of the tasks and normative bases the first of them.

***Viktor Okorokov**, Doctor of sciences in philosophy, Professor, professor at the Department of philosophy, Oles Honchar Dnipropetrovsk National University*

***Віктор Окороков**, доктор філософських наук, професор, професор кафедри філософії Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара*

***Виктор Окороков**, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Днепропетровского национального университета им. О. Гончара*
